

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ДРЕВНЕАБХАЗСКИХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В VI в.

В.А. Ньюшков

*Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, Сухум,
Valenti74@yandex.com*

Аннотация. Работа посвящена проблеме исследования социальной стратификации древнеабхазских этнополитических объединений в VI в. VI век выбран не случайно, это рубеж поздней античности и раннего средневековья. На основе письменных источников и археологических данных рассматривается социальная стратификация у абазгов, апсиллов и мисимиан, процесс образования у них элиты, в частности воинской, как особой группы из числа местного населения, занимавшего знатное, привилегированное положение. Связано это было с военной политикой Восточно-Римской империи в Восточном Причерноморье, давшей толчок к форсированию социального расслоения в Абхазии, появлению «воинской» аристократии еще с того времени, когда Римская империя безгранично властвовала в Западном Закавказье. Так, на цебельдинском некрополе заметна фиксация «вождеских» погребений или погребений военных предводителей.

В то же время цель и задача настоящей работы – проанализировать «условно богатые» и «условно бедные» могилы. Устанавливается факт существования социальной стратификации в этнокультурной среде древнеабхазского общества Западного Закавказья в VI в., например, на поселении Шапки и в Цибилууме. На Шапки, как показали исследования, полностью отсутствовал сельскохозяйственный инвентарь, но преобладали предметы роскоши и импорта. Очевидно, надежным маркером, указывающим, что часть населения обладала более высоким социальным статусом, является наличие в погребениях цебельдинского некрополя геральдических поясных гарнитур. Очевидно, дифференциация погребенных по имущественному признаку варьировалась больше в зависимости от того, где проходил древний путь, сегодня это хорошо известная Военно-Сухумская дорога.

Ключевые слова: древнеабхазское общество, Апсилия, Цебельдинский могильник, погребения, погребальный инвентарь, элита, социальная стратификация

Ньюшков Валентин Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.

* Данная статья была в форме доклада зачитана на международной научной конференции «Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные» 1 июня 2015 г. в г. Сухум. Конференция была организована Институтом археологии РАН и Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА.

Введение

Исследование социальных структур обществ, как правило, связано с понятием «социальная стратификация». Данная работа является попыткой изучения предполагаемой социальной стратификации населения Абхазии на рубеже средневековья. Накоплен достаточно значительный археологический материал, в частности, цебельдинской культуры, который можно использовать для исследования социальной дифференциации у древнеабхазских этнообъединений (абазги, апсилы, мисимиане) с учетом новейших социологических исследований. Данный материал существенно дополняют письменные источники, которые далеко не всегда дают нам ясную картину о социальной структуре общества. Проблема социально-политического положения Абхазии в VI в. неоднократно поднималась в работах отечественных и российских исследователей (З.В. Анчабадзе, Ю.Н. Воронов, М.М. Гунба, Ш.Д. Инал-ипа, М.М. Казанский, В.А. Логинов, А.В. Мастыкова, М.М. Трапш и др.)¹.

Присутствие статусных предметов и знаков власти в захоронениях позволяет поставить вопрос о выделении элиты у древнеабхазского населения в середине I тыс. н.э. В это время, как известно, на территории современной Абхазии существовали такие этнополитические образования как Абазгия, Апсилия и Мисиминия.

Данные письменных источников

Абазгия. Ш.Д. Инал-ипа в работе «Вопросы этнокультурной истории абхазов» задался весьма неожиданным вопросом: были ли абазги бинарным племенем?². Речь здесь идет о знаменитом отрывке Прокопия Кесарийского, в котором он говорит, что у абазгов издавна существовал обычай правления двух традиционных («исконных») правителей: один для западной стороны, другой для восточной. Всего их известно четверо, причем имена двух последних византийский историк нам сохранил: Опсит и Скепарна. Они же, согласно Прокопию, были избраны абазгами вновь после того, как византийцы вознамерились проводить римские законы в Абазгии. Стремясь тем самым воспрепятствовать этому, абазги восстали против Византии. Опсит стал «царьком» восточной стороны, Скепарна – западной стороны (Procop. Caes. VIII, 9).

Ш.Д. Инал-ипа предложил для этого сюжета два возможных решения: либо абазги представляли собой двухплеменный союз, бинарную этническую единицу с двумя «царьками» и политическими центрами (в Пицунде и в Анакопии), либо «племя» абазгов было не раздробленным, а, напротив, довольно монолитным, консолидированным и сравнительно сильным объединением двух племен – абазгов и апсилов. Соответственно, Скепарна являлся правителем Абазгии (западной стороны), Опсит – правителем Апсилии (восточной стороны)³. Однако, трудно согласиться с последним выводом. Письменные источники четко разграничивают древнеабхазские этнополитические образования, и в данном случае Прокопий,

¹ Анчабадзе 1964; Трапш 1971; 1975; Гунба 1989; Воронов 2013; Логинов 1985; Казанский 2015; Казанский, Мастыкова 2008.

² Инал-ипа 1976, 262.

³ Инал-ипа 1976, 266.

скорее, фиксирует дуальный характер организации власти у абазгов. Известно, что диархия была основана на разделении территории, т.е. на делении земель внутри самой Абазгии⁴.

Касаясь непосредственно Абазгии, следует заметить, что источники не подтверждают наличия, по выражению Ю.Н. Воронова, аппарата господствования и выделения знати в северо-западной части Абхазии⁵. В то же время нельзя говорить о полном отсутствии знати в Абазгии, следуя сведениям Прокопия Кесарийского, у которого сказано о самых знатных абазгах и их сыновьях, взятых в заложники персидским полководцем Набедом (Procop. Caes. VIII, 9). Немногочисленный археологический материал также подтверждает присутствие местной элиты в северо-западной части Абхазии. Так, например, в процессе раскопок в 2013 г. в районе села Лдзаа (вблизи г. Пицунда) под руководством Р.М. Барцица было исследовано богатое женское захоронение (золотая диадема, серебряные височные кольца – колты, перстень), что указывает на элитный характер погребения⁶.

Мисиминия. Трудно судить по письменным источникам о «доминирующих классах» в Мисиминии ранневизантийской эпохи. Об этом можно говорить, также опираясь на сочинения Прокопия Кесарийского (Procop. Caes. VIII) и Агафия Миринейского (Agath. Schol. 3, 4). Из сообщения Агафия Миринейского нам известно, что у мисимиан были знатные люди по имени Хада, Туана (Agath. Schol. 3, 16). По поводу того, какое место они могли занимать в иерархии общества, высказан ряд мнений, но, скорее всего, их следует причислять «к одним из самых знатных представителей мисимийского общества»⁷. Так, имя «наиболее знатного» мисимианина – Хада переводится с абхазского как «глава, главный, предводитель». Возможно, что Хада антропоним, титул и обращение к «наиболее знатному», который был политическим лидером, а Агафий воспринял это как личное имя⁸. При весьма подробном описании Агафия мы тем не менее не находим каких-либо данных о том, что у мисимиан имелось единоначалие. Информация, известная нам из письменных источников, указывает на существовавшую у них, по всей видимости, коллективную власть⁹.

Апсилия. Установлено, что у апсиров привилегированное положение в обществе могли занимать начальник укрепления Цибилиума (Цабал) (Procop. Caes. VIII, 10) и, вероятно, старейшины. Они нам известны как «самые разумные люди» (Agath. Schol. 4, 15). В итоге мы не можем отрицать, судя по письменным памятникам, наличия элиты у древних апсиров, поскольку это прослежено на материалах цебельдинской культуры, носителями которой считаются апсилы. Перейдем к данным археологических источников.

Данные археологических источников

Ряд исследователей дает социально-политическую характеристику, опираю-

⁴ Касландзия 2011, 392.

⁵ Воронов 2006, 417.

⁶ Барцыц 2014, 4.

⁷ Амичба 2010, 296.

⁸ Маан 2014, 36.

⁹ Воронов 1975, 103.

щуюся на критерий богатых и бедных могил, и, соответственно, постулируется сильное расчленение общества уже с момента упоминания Флавием Аррианом во II в. н.э. древнеабхазских «царств» апсилов, абазгов, санигов во главе с собственными базилевсами (царями). Так, М.М. Трапш предлагал считать богатыми те могилы, в которых вместе с покойным находилось более чем 10 предметов, изготовленных из золота и серебра, принадлежавших привилегированной социальной группе¹⁰. Те богатые могилы, где имелось оружие, были отнесены исследователем к воинской аристократии. Могилы же с 3-мя или 4-мя предметами, по мнению исследователя, считались бедными. Таким образом, М.М. Трапш был уверен, что имущественное, а, следовательно, и социальное неравенство в обществе цебельдинского культурно-исторического горного региона в позднеантичную эпоху зашло далеко. Наличие в ряде погребений цебельдинских некрополей могил с богатым и бедным инвентарем свидетельствует о явном расчленении на отличные друг от друга социальные группы и формировании на этой основе классового строя¹¹. Эту точку зрения разделил З.В. Анчабадзе, несколько конкретизировав ее¹², а также М.М. Гунба¹³.

Наличие в цебельдинских некрополях могил с «условно богатым» и «условно бедным» инвентарем, которые, по мнению М.М. Трапш, свидетельствуют о социальной дифференциации и о формировании классового строя¹⁴, как мы можем судить, еще не говорит о том, что стратификация населения Апсилии зашла очень далеко. Исследования в Шапке и Цибилууме показали, что «бедные» и «богатые» могилы относятся к разным поколениям одной или той же семейной группы. Поэтому «они не могут свидетельствовать о социальном напластовании внутри апсильских кланов»¹⁵.

Описываемые М.М. Трапш варианты погребального инвентаря в комплексах цебельдинских некрополей, практически не отличаются от инвентаря погребений, раскопанных в результате последующих археологических исследований Цебельдинской археологической экспедицией с 1977 по 1986 гг. Дальнейшее изучение социума в Апсилии¹⁶ выявило разницу между «условно богатыми» и «условно бедными» могилами¹⁷. Например, «условно богатыми» можно считать те могилы, которые содержали богатый инвентарь – драгоценности, аксессуары, относящиеся к одежде, керамику, стекло, римские и византийские монеты¹⁸. Те же, что включали набор оружия (в том числе мечи), могут быть соотнесены с социально богатой высокой группой¹⁹.

Следует полагать, что дифференциация погребенных по имущественному признаку варьировалась больше в зависимости от того, где проходил древний путь. Те поселения, которые размещались вдоль древнего пути, были более бога-

¹⁰ Трапш 1975, 131.

¹¹ Трапш 1971, 130.

¹² Анчабадзе 1964, 201, 204.

¹³ Гунба 1989, 128, 138.

¹⁴ Трапш 1971, 130.

¹⁵ Воронов 2013, 304

¹⁶ Воронов 2013, 302; Бгажба, Лакоба 2007, 100; Казанский, Мастыкова 2008, 173–178.

¹⁷ Воронов 2013, 303.

¹⁸ Воронов 2013, 308.

¹⁹ Казанский, Мастыкова 2008, 176.

тые и более военизированные, а те, что дальше, были беднее, там жители занимались земледелием и скотоводством²⁰. Итак, налицо некоторая социальная иерархичность поселений. В этом случае пригодными для ранжирования становятся воинские погребения с преобладанием в них оружия, однако их немного, ибо в большинстве захоронений VI в. н.э. на могильниках Цибилиум-1 и Цибилиум-2 оружие практически отсутствует²¹.

Надо отметить, что, по сравнению с другими периферийными некрополями, особым богатством или даже привилегированностью в Апсилии выделяется некрополь Шапки, принадлежавший расположенному рядом с крепостью поселению. Данное поселение отличается некоторыми особенностями:

1. Сельскохозяйственный инвентарь и кухонная керамика, обычные для других апсильских захоронений, здесь отсутствуют.

2. Присутствуют в значительном количестве предметы роскоши и импорта (амфоры, стекло, керамика, оружие).

Это может означать, что поселение Шапки могло в силу своего местонахождения занимать доминирующее положение в торговле между прибрежным районом и горной местностью. Не исключено, что экономическое положение этой общины стимулировалось также участием в охране купеческих караванов, уходивших за перевалы. В качестве компенсации значительная часть товаров могла оседать здесь и через посредство уже местных торговцев распространяться среди остального населения древней Цебельды²². Это в конечном итоге должно было отражаться и на социальной структуре местного населения, в частности, выявленное на некрополе оружие²³ указывает, что в Шапки могут быть выделены воинские могилы, но это необязательно погребения воинской элиты.

Так, в частности, М.М. Казанский выделил определенную иерархию погребений с оружием, но в разных могильниках (Шапки, Шапка-Ахьяцараху, Цибилиум) она проявилась по-разному в зависимости от хронологического периода. В некрополе Шапка 28 из 86 могил, исследованных к 1971 году, т.е. 32,5% от общего числа, содержали оружие, а на кладбище Шапка-Ахьяцараху оружие присутствует почти в половине изученных погребений. На могильнике Цибилиум исследовано 467 погребений, из них не менее 120, т.е. не менее 25% содержали предметы вооружения²⁴. Для создания системы иерархии по степени богатства и престижности инвентаря в палеосоциологических исследованиях цебельдинских могильников было выделено (начиная с римского периода) четыре уровня «воинских» погребений: с парадным оружием, с престижными ременными гарнитурами и редкими дорогими предметами импорта, с набором вооружения, конские захоронения с полным или частичным набором предметов вооружения, с единичными предметами вооружения²⁵. В качестве сравнительно-типологического метода был использован уже наработанный материал по эпохе Мерovingов Центральной и Западной Европы²⁶.

²⁰ Воронов 1975, 104.

²¹ Казанский, Мастыкова 2008, 177.

²² Воронов 2013, 303.

²³ Воронов, Шенкао 1982, 121.

²⁴ Казанский 2015, 44.

²⁵ Казанский 2015, 45.

²⁶ Казанский, Перен 2014, 262.

Между тем исследование погребального инвентаря в Цебельде (некрополи Цибилиум 1-15) (VI в.), свидетельствует о имевшихся процессах социальной дифференциации, происходивших в среде населения этой части Абхазии. Значительная доля материала все же выглядит однородной в социальном плане. Уже ближе к рубежу VI–VII вв. погребальный инвентарь полностью (за исключением отдельных могил) исчезает, особенно в этом смысле выделяется некрополь Цибилиум-1, где налицо состоявшаяся христианизация или византинизация населения.

В то же время военная политика Восточно-Римской империи в Восточном Причерноморье дала толчок к ускорению социального расслоения внутри апсильского общества, его милитаризации, появлению «воинской» аристократии с позднеантичного периода. В археологическом материале эти явления выразились в возникновении многочисленных погребений с оружием, а также «вождеских» могил, скорее всего, принадлежавших военным предводителям²⁷. В этом смысле интересно воинское погребение, датируемое приблизительно V в. Его инвентарь включал четыре местных керамических сосуда, краснолаковую тарелку, стеклянный бокал, щит, меч в обложенных серебром ножнах с сердоликом в золотой оправе, кинжал с перекрестием, инкрустированным разноцветным стеклом, серебряные и бронзовые пряжки, фибулы, золотой перстень с сердоликом в оправе²⁸.

Геральдические пояса. Часть населения обладала более высоким социальным статусом, что характеризуется наличием погребений с геральдическими поясными гарнитурами (Цибилиум-2, погр. 279, 313, 314, 318, 325; Юстинианов Холм-3 – некрополь Шапки; Пышта-Верхняя Эшера)²⁹. По всей видимости, «пояса являлись важным атрибутом военного престижного костюма, символизировали социальный статус хозяина, его принадлежность к воинскому сословию»³⁰.

Керамика. В качестве критерия для характеристики общественной системы и выделения привилегированного сословия в Апсилии была использована и керамика. Комплексное исследование керамического производства Апсилии позднеантичного и ранневизантийского времени на основе результатов обработки первичных данных на ЭВМ определило и количественно оценило морфологическую неоднородность в типологических группах керамики Цебельдинской культуры. Опираясь на данное исследование, В.А. Логинов попытался реконструировать палеодемографическую ситуацию и социальную структуру общества, показать высокий уровень древнеабхазского (в первую очередь апсильского) гончарного производства, в свою очередь отразившегося, по мнению исследователя, «на интенсивном разложении родообщинных отношений и складывании раннеклассового общества на базе отгонного скотоводства и “военной” специализации цебельдинцев»³¹.

Перстни-печатки. При рассмотрении погребального инвентаря некрополей Цибилиум-1, 2 был замечен еще один интересный факт, представленный в 10-ти ингумационных погребениях VI в. н.э. Это перстни-печатки, присутствующие в

²⁷ Казанский 2015, 44.

²⁸ Воронов, Гунба, Бгажба, Хрушкова, Шенкао, Логинов 1979, 498.

²⁹ Казанский, Мастыкова 2011, 110.

³⁰ Ньюшков 2014, 140.

³¹ Логинов 1985, 63.

погр. 31, 144, 195, 279, 281, 325, 326, 400, 407, 413³². Интересно отметить, что, например, на Северном Кавказе «перстни встречаются крайне редко, их распространение связано, вероятно, с влиянием средиземноморской моды, не исключается и их местное изготовление, определяемое простотой формы северокавказских перстней и дешевизной материала (бронза)³³». Перстни-печатки были выявлены и в других некрополях Абхазии конца I тыс. до н.э. (Гуадиху, Красный Маяк, Эшерское городище). По мнению М.М. Гунба, перстни-печатки, обнаруженные в Абхазии V–III вв. до н.э., могут свидетельствовать об имущественном расслоении как в это время, так и в I–III вв. н.э.³⁴ На наш взгляд, указанные выше в погребениях апсиллов перстни-печатки определяли статус владельца.

Проблема социальной стратификации «варварских» социумов Северного и Южного Кавказа VI в. остается по сей день актуальной. В этой связи отдельного внимания заслуживает тема социального устройства западных алан. Изучая их социально-политическую историю, нельзя не обратить внимания на то, что общество западных алан и общество апсиллов развивалось в сходных условиях. Вероятно, в среде этих этнокультурных, довольно тесно контактировавших объединений в ранневизантийскую эпоху происходили близкие процессы формирования социальной организации, становления и развития ее раннеполитических форм управления, особенно в местах наибольшей концентрации населения. В Апсилии это Цебельдинская долина, в Алании – Кисловодская долина. В них располагались небольшие патронимические поселки – места обитания семейных кланов из 5–20 семейств³⁵. В то же время в Апсилии основное население было сосредоточено в двух десятках поселений, представлявших собой семейный поселок, объединявший 5–10, а иногда и больше семей.

Заключение

Таким образом, письменные источники (хотя они не отражают в достаточной мере социальную структуру) и археологически фиксируемые следы указывают на существование социальной стратификации в этнокультурной среде древнеабхазских этнообъединений на территории современной Абхазии в VI в. с имевшейся иерархизацией, для которой неотъемлемым признаком является большесемейная община³⁶. Она хорошо различима, в частности, у апсиллов в рамках большесемейного кладбища на Цебельдинском могильнике³⁷. Так наличие привилегированных участков на Цебельдинском некрополе, а также сведения из ранневизантийских письменных источников позволяют нам говорить о том, что в древнеабхазском обществе уже выделился элитный слой, в частности, воинский (дружинный).

³² Воронов 2003, рис. 1.

³³ Мاستыкова 2009, 71.

³⁴ Гунба 1989, 126.

³⁵ Коробов 2013, 25.

³⁶ Крадин 2010, 173.

³⁷ Воронов 1975, 100.

ЛИТЕРАТУРА

- Амичба, Г.А. 2010: *Историческая антропонимия абхазов (материалы и исследования)*. Сухум.
- Анчабадзе, З.В. 1964: *История и культура древней Абхазии*. М.
- Барцыц, Р.М. 2014: Христианский храм в селе Лдзаа, Республика Абхазия (новые материалы раскопок 2013 г.). В сб.: Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин (ред.), *IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье*. Краснодар, 4–9.
- Бгажба, О.Х., Лакоба, С.З. 2007: *История Абхазии с древнейших времен до наших дней*. Сухум.
- Воронов, Ю.Н. 1975: *Тайна Цебельдинской долины*. М.
- Воронов, Ю.Н. 2003: *Могилы апсильов. Итоги исследований некрополя Цибилиум в 1977–1986 годах*. Пушкино.
- Воронов, Ю.Н. 2006: Колхида на рубеже средневековья. В кн.: О.Х. Бгажба (ред.), *Научные труды*: в 7 т. Т. 1. Сухум, 294–429.
- Воронов, Ю.Н. 2013: Материальная культура апсильской аристократии (Восточное Причерноморье) с IV–VI вв. В сб.: О.Х. Бгажба (ред.), *Абхазоведение (историческая серия)*. Вып. 8–9. Сухум, 302–309.
- Воронов, Ю.Н., Гунба, М.М., Бгажба, О.Х., Хрушкова, Л.Г., Шенкао, Н.К., Логинов, В.А. 1979: Работы Цебельдинской экспедиции. В сб.: *АО 1978 года*. М.
- Воронов, Ю.Н., Шенкао, Н.К. 1982: Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. В сб.: А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели (ред.), *Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков*. М., 121–165.
- Гунба, М.М. 1989: *Абхазия в I тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения)*. Сухуми.
- Иванов, С.А. 2003: *Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина?* М.
- Инал-ипа, Ш.Д. 1976: *Вопросы этнокультурной истории абхазов*. Сухуми.
- Казанский, М.М. 2015: Иерархия «воинских» погребений в Абхазии (II–VII вв.) и возможности социальной реконструкции. В сб.: А.В. Мастыкова (ред.), *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные*. Материалы международной научной конференции. М., 44–49.
- Казанский, М.М., Мастыкова, А.В. 2008: Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.). В сб.: А.А. Туаллагов (ред.), *Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: XXV Крупновские чтения*. Владикавказ, 173–178.
- Казанский, М.М., Мастыкова, А.В. 2011: Федераты и Империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.). В сб.: А.Ю. Скаков (ред.), *Вторая Абхазская международная археологическая конференция*. Сухум, 102–116.
- Казанский, М.М., Перен, П. 2014: «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований. *КСИА* 234, 262–286.
- Касландзия, Н.В. 2011: К вопросу о генезисе феодальных отношений в Абхазии (конец VIII – первая половина XI вв.). В сб.: Т.А. Ачугба (ред.), *Первые Международные Инал-иповские чтения*. Сухум, 391–400.
- Кондратьев, С.П. (пер.) 1950: *Прокопий из Кесарии. Война с готами*. М.–Л.
- Коробов, Д.С. 2013: Аланские «вождеские» погребения и центры власти в Кисловодской котловине. В сб.: А.В. Мастыкова (ред.), *Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце Античности – начале Средневековья: тезисы докладов международного научного семинара*. М., 25–27.

- Крадин, Н.Н. 2010: *Политическая антропология: учебник*. М.
- Левченко, М.В. (пер.) 1953: *Агафий. О царствовании Юстиниана*. М.
- Логинов, В.А. 1985: Этнографический аспект изучения керамики Абхазии. *ИАИЯЛИ XIII*, 57–66.
- Маан, О.В. 2014: *Культурно-этнические контакты абхазов в раннем средневековье (VI–X вв.)*. Сухум.
- Мастыкова, А.В. 2009: *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э.* М.
- Нюшков, В.А. 2014: Воинское сословие в Апсилии. Историко-культурное исследование. *КСИА* 234, 140–157.
- Трапш, М.М. 1971: *Труды*: в 4 т. Т. 3: Культура цебельдинских некрополей. Тбилиси.
- Трапш, М.М. 1975: *Труды*: в 4 т. Т. 4: Материалы по археологии средневековой Абхазии. Тбилиси.

REFERENCES

- Amichba, G.A. 2010: *Istoricheskaya antropimiya abhazov (materialy i issledovaniya)*. Suhum.
- Anchabadze, Z.V. 1964: *Istoriya i kul'tura drevnej Abhazii*. Moscow.
- Bartsyts, R.M. 2014: Христианский храм в селе Лдзаа, Республика Абхазия (новые материалы раскопок 2013 г.). In: T.A. Pavlenko, R.B. Shatum, V.V. Ulitin (red.), *IV «Anfimovskie chteniya» po arheologii Zapadnogo Kavkaza. Zapadnyj Kavkaz v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenij v drevnosti i srednevekov'e*. Krasnodar, 4–9.
- Bgazhba, O.H., Lakoba, S.Z. 2007: *Istoriya Abhazii s drevnejshih vremen do nashih dnei*. Suhum.
- Gunba, M.M. 1989: *Abhaziya v I tysyacheletii n.e. (social'no-ekonomicheskie i politicheskie otnosheniya)*. Suhumi.
- Inal-ipa, Sh.D. 1976: *Voprosy etnokul'turnoj istorii abhazov*. Suhumi.
- Ivanov, S.A. 2003: *Vizantijskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz «varvara» hristianina?* Moscow.
- Kaslandziya, N.V. 2011: K voprosu o genezise feodal'nyh otnoshenij v Abhazii (konec VIII – pervaya polovina XI vv.). V sb.: T.A. Achugba (red.), *Pervye Mezhdunarodnye Inal-ipovskie chteniya*. Suhum, 391–400.
- Kazanskij, M.M. 2015: Ierarhiya «voinskih» pogrebenij v Abhazii (II–VII vv.) i vozmozhnosti social'noj rekonstrukcii. In: A.V. Mastykova (red.), *Social'naya stratifikaciya naseleniya Kavkaza v konce antichnosti i nachale srednevekov'ya: arheologicheskie dannye. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. M., 44–49.
- Kazanskij, M.M., Mastykova, A.V. 2008: Evolyuciya nekropolya Cibilium (II–VII vv.). In: A.A. Tuallagov (red.), *Otrazhenie civilizacionnyh processov v arheologicheskikh kul'turah Severnogo Kavkaza i sopredel'nyh territorij: XXV Krupnovskie chteniya*. Vladikavkaz, 173–178.
- Kazanskij, M.M., Mastykova, A.V. 2011: Federaty i Imperiya: evolyuciya nekropolya Cibilium (II–VII vv.). In: A.Ju. Skakov (red.), *Vtoraya Abhazskaya Mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferenciya*. Suhum, 102–116.
- Kazanskij, M.M., Peren, P. 2014: «Korolevskie» i «vozhdeskie» pogrebeniya rannemeroving-skogo vremeni v Gallii: sostoyanie issledovanij. *Kratkie soobshheniya instituta arheologii* 234, 262–286.
- Kondrat'ev S.P. (per.) 1950: *Prokopij iz Kesarii. Vojna s gotami*. Moscow–Leningrad.
- Korobov, D.S. 2013: Alanskie «vozhdeskie» pogrebeniya i centry vlasti v Kislovodskoj kotlovine. In: A.V. Mastykova (red.), *Rannegosudarstvennye obrazovaniya i «knyazheskaya»*

kul'tura na Severnom Kavkaze v konce Antichnosti – nachale Srednevekov'ya. Tezisy dokladov mezhdunarodnogo nauchnogo seminara. Moscow, 25–27.

- Kradin, N.N. 2010: *Politicheskaja antropologija: uchebnik.* Moscow.
- Levchenko, M.V. (per.) 1953: *Agafij. O carstvovanii Yustiniana.* Moscow.
- Loginov, V.A. 1985: Etnograficheskij aspekt izucheniya keramiki Abhazii. *Izvestija Abhazskogo instituta jazyka, literatury i isto-rii* XIII, 57–66.
- Maan, O.V. 2014: *Kul'turno-etnicheskie kontakty abhazov v rannem srednevekov'e (VI–X vv.).* Suhum.
- Mastykova, A.V. 2009: *Zhenskij kostyum Central'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v konce IV – seredine VI v. n.e.* Moscow.
- Nyushkov, V.A. 2014: Voinskoe soslovie v Apsilii. Istoriko-kul'turnoe issledovanie. *Kratkie soobshheniya instituta arheologii* 234, 140–157.
- Trapsh, M.M. 1971: *Trudy:* v 4 t. T. 3: Kul'tura cebel'dinskih nekropolej. Tbilisi.
- Trapsh, M.M. 1975: *Trudy:* v 4 t. T. 4: Materialy po arheologii srednevekovoj Abhazii. Tbilisi.
- Voronov, Ju.N. 1975: *Tajna Cebel'dinskoj doliny.* Moscow.
- Voronov, Ju.N. 2003: *Mogily apsilov. Itogi issledovanij nekropolya Cibilium v 1977–1986 godah.* Pushchino.
- Voronov, Ju.N. 2006: Kolhida na rubezhe srednevekov'ya. In: O.H. Bgazhba (red.), *Nauchnye trudy:* v 7 t. T. 1. Suhum, 294–429.
- Voronov, Ju.N. 2013: Material'naya kul'tura apsiljskoj aristokratii (Vostochnoe Prichernomor'e) s IV–VI vv. In: O.H. Bgazhba (red.), *Abhazovedenie (istoricheskaya seriya).* Vyp. 8–9. Suhum, 302–309.
- Voronov, Ju.N., Gunba, M.M., Bgazhba, O.X., Hrushkova, L.G., Shenkao, N.K., Loginov, V.A. 1979: Raboty Cebel'dinskoj ekspedicii. In: *Arheologicheskie otkrytija 1978 goda.* Moscow.
- Voronov, Ju.N., Shenkao, N.K. 1982: Vooruzhenie voinov Abhazii IV–VII vv. In: A.K. Ambroz, I.F. Erdeli (red.), *Drevnosti epohi Velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov.* Moscow, 121–165.

THE PROBLEM OF RESEARCH OF SOCIAL STRATIFICATION IN ANCIENT ABKHAZIAN ETHNO-POLITICAL ASSOCIATIONS IN THE 6th CENTURY AD

Valtentin A. Nyuhkov

The Abkhazian Institute of humanitarian studies D.I. Gulia ANA, Russia,
Valenti74@yandex.com

Abstract. The article deals with the problem of the social stratification of the ancient Abkhazian societies in the 6th century AD. This epoch is not chosen occasionally, it is the turn of the Late Antiquity and the Early Middle Ages. Based on written sources and archaeological data the social stratification of the Abasgoi, Apsilae and Misimians is analyzed. The formation of their social elite, in particular the military one, as a special group of the local population, which had privileged high social rank is examined. It was concerned with the military policy of the Eastern Roman Empire in the Eastern Black Sea Region, which gave an impetus to the acceleration of social stratification in Abkhazia, as well as the emergence of the „military“ aristocracy since the time when the Roman Empire had ruled in the Western Caucasus. Thus, in the necropolis of Tsebelda a fixation of the “chief” burials or graves of the military leaders has been marked.

The purpose of this paper is to analyze “conditionally rich” and “conditionally poor” graves. The existence of social stratification of the ancient Abkhazian society of Western Transcaucasia in the 6th century AD was found. For example in the settlement of Shapky in Tsebelda, there was no any agricultural implement, but the luxury and import finds were prevailing. It is

evidently, a reliable marker, indicating that a part of the population had a higher social status, is the occurrence of the belt sets in the graves of the necropolis in Tsebelda. The author suggests that the differentiation of the buried people in accordance with their property size varied more depending on the way where the ancient trade road took place; today it is a well-known Sukhumi Military Road.

Key words: Abkhazia, ancient Abkhazian society, Apsilia, Tsebelda necropolis, graves, grave goods, elite, social stratification
